

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

Kopieczny F. Litwa a Moskwa w latach 1449–1492 // *Dziejyw Rosji*. Т. II. Wilno, 1929.

Ю.В. Кошельков

СТАНОВЛЕНИЕ РОЗЫСКНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI в.

С конца XV в. расследование некоторых уголовных преступлений в Московском государстве начинает проводиться розыскным (инквизиционным, следственным) процессом или сыском. В отличие от обвинительного (состязательного) процесса, истцом здесь является само государство, дело возбуждается независимо от желания потерпевшего и не может быть прекращено за примирением сторон; запрещается самосуд; при расследовании обязательно проведение повального обыска, по результатам которого подозреваемый может быть подвергнут пытке. Исто­рики права усматривают некоторые начала розыскного процесса уже в Псковской судной грамоте, по которой в делах об убийстве, «бое», «коневой татьбе», «зажигательству» и некоторым другим преступлениям суд может начаться и без предъявления иска¹. В.Н. Латкин обращает также внимание на изменившийся состав свидетелей в Псковской судной грамоте: наряду с «послухами» – свидетелями доброй славы ответчика, появляются «сторонние люди»². Однако о полноценном розыскном процессе можно говорить лишь с конца XV в., так как впервые применение пытки и проведение повального обыска было предусмотрено Судебником 1497 г.

До сих пор основное внимание в историко-правовой литературе уделялось политическому сыску по государственным преступлениям. Малоизученным остается сыск и судопроизводство по общеуголовным преступлениям (против жизни, здоровья и имущества), а так же обстоятельства и причины, обусловившие введение средств дознания розыскного процесса в практику расследования уголовных преступлений. Недостаточно изучена судебно-следственная деятельность наместников и органов общинного самоуправления в сфере уголовной юстиции до начала губной реформы.

Пытка упомянута в двух статьях Судебника 1497 года. Ст. 14 предусматривает ее применение в отношении оговоренного татем человека: «А на кого тать взмолвит, ино того опытати: будет прирочный человек с доводом, ино его пытати в татбе...»³. Довод в обвинительном процессе – это «совокупность судебных доказательств, вместе с актами, подготовлявшими процесс или помогавшими собиранию судебных доказательств»⁴. «Прирочный человек» (от *приречи* – приреку, называю, оговариваю) – суть оговоренный⁵. Таким образом, «прирок с доводом» – оговор, подтвержденный доказательствами. Следовательно, ст. 14 Судебника 1497 года обуславливает возможность применения пытки к оговоренному татем человеку наличием доказанного обвинения в ранее совершенном преступлении. Статья 34 Судебника содержит правоустанавливающую норму, которая регламентирует обязанности должностного лица – недельщика, в связи с чем в статье упомянута пытка: «А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, который ему татя даст...»⁶. Из приведенной цитаты видно, что пытку может назначить великий князь или судья, в производстве которого находится расследуемое дело.

Судебник 1497 года различает разные виды татьбы. Кроме обычной татьбы, за которую смертная казнь назначается за второй доказанный эпизод, ст. 9 предусматривает смертную казнь за церковную и головную татьбу. Мнения исследователей о значении термина «головная татьба» различны. М.Ф. Владимирский-Буданов⁷, С.В. Юшков⁸, А.Г. Поляк⁹ это выражение объясняют как кражу холопов. Подобное толкование основано на переводе Герберштейна («похитители людей»)¹⁰ и подтверждается терминами «головное серебро», «головные кабалы». Возможно иное толкование: убийство, совершенное во время кражи. Эта точка зрения основывается на употреблении термина «головщина» в значении «убийство» в Псковской судной грамоте¹¹ и на анализе судебных дел по укрывательству людей, которое, по мнению Л.В. Черепнина¹², не влекло за собой смертной казни.

В отличие от рассмотренной выше ст. 9, устанавливающей безальтернативное наказание в виде смертной казни за церковную и головную татьбу, а также в отношении «государского убойцы», «подымщика» и «зажигалника», в статьях 8 и 39 законодатель обуславливает ее применение за татьбу, разбой, душегубство, ябедничество и «иное какое лихое дело» наличием «довода» (т.е. доказательств, улики) и требованием, чтобы обвиняемый был «ведомой лихой». Под «ведомым лихим» законодатель предполагает человека, имеющего репутацию профессионального пре-

ступника. Процедура выявления таких лиц предусмотрена ст. 13: «...а взмолвят на него человек пять или шесть...что он тать ведомой, и преж того неодинова крадывал, ино того казнить смертною казнию».¹³ Если ответчик не являлся «ведомым лихим», дело рассматривалось по правилам обвинительного процесса даже по обвинениям в «пожеге», «душегубстве» и разбое (ст. 7).

В Судебнике 1497 года отсутствуют нормы, предусматривающие основания для применения пытки к лицам, подозреваемым в татьбе, разбое и душегубстве, а также нормы, которые бы разъясняли порядок ее проведения: продолжительность, интенсивность, количество пыточных процедур, виды пыток, круг лиц, имеющих право назначать пытку. Если Судебник действительно впервые вводит ранее не применявшиеся следственные действия розыскного процесса, отсутствие таких норм кажется странным. Судебник дошел до нас в одном списке начала XVI в. Текст памятника разделен киноварными инициалами на 94 статьи. Л.В. Черепнин предполагает, что Судебник, подобно последующим законодательным актам (Стоглав, Судебник 1550 года), первоначально состоял из 100 статей, которые впоследствии были опущены. Если эта гипотеза верна, то не вошедшие в список памятника статьи могли содержать нормы, заполняющие пробел в части уголовно-процессуального законодательства.

Любые правовые нормы и право в целом предназначены для воздействия на волевое поведение людей, а предметом правового регулирования являются общественные отношения¹⁴. С другой стороны, право является отражением объективно сложившихся общественных отношений: законодатель «не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует...»¹⁵. Таким образом, имеет место своего рода диалектическое взаимодействие: законы, обусловленные процессами развития общественных отношений, в свою очередь воздействуют на эти отношения, регулируют их.

Содержание таких отношений, регулируемых уголовным правом, является, во-первых, вполне специфическим, а во-вторых – сложным и неоднозначным. Ужесточение системы уголовных наказаний и использование уголовным правосудием специфических средств дознания, присущих розыскному процессу, во-первых, усилило уголовно-правовой запрет, направленный на удержание лица от совершения преступления посредством угрозы наказания; во-вторых, усилило принудительную силу государства в реализации уголовной ответственности и наказания.

Такое усиление карательных функций государства могло возникнуть лишь как реакция на наиболее опасные для интересов личности,

общества и государства деяния «ведомых лихих». Их появление было обусловлено социально-экономическими, политическими и идеологическими факторами.

В XV в. в Северо-Восточной Руси наблюдаются значительные успехи в экономике. К концу XV в. исследователи отмечают неравномерность социально-экономического развития отдельных регионов. Специализация отдельных отраслей сельского хозяйства и разделение труда между отдельными районами способствуют развитию товарно-денежных отношений. С развитием феодальных отношений меняются формы эксплуатации крестьян. Крупные вотчинники переходят от натуральных оброков к денежным. Бояре заводят барщину, которую обрабатывают страдные холопы. Средние и мелкие вотчинники и помещики идут по тому же пути, но из-за отсутствия нужного количества страдных холопов и незначительных денежных доходов от реализации товарного хлеба прибегают к более жесткой системе отработочного хозяйства, за счет сокращения крестьянских наделов и насильственного принуждения крестьян к обработке в первую очередь господской земли. О процессах обнищания и обезземеливания крестьянства свидетельствует появление «серебреников» – задолжавших крестьян, обязанных расплатиться с землевладельцем, бобылей (непашенных и нетяглых людей), половников, потерявших свою землю и бравших надел у вотчинника за половину или иную часть урожая. Таким образом, к концу XV в. материальное неблагополучие ясно проявилось как фактор роста общеуголовной преступности.

По мере политического объединения русских земель аппарат дворцово-вотчинной юстиции бывших удельных княжеств реформировался, иммунитетные привилегии земельных собственников сокращались. Ряд судебных дел – о душегубстве, разбое, татьбе – изымался из их ведения и передавался великокняжеским наместникам. Направляемые на непродолжительное время в частновладельческие и черные земли для извлечения доходов из управляемых округов наместники и волостели не могли в рамках обвинительного процесса эффективно противостоять деятельности «ведомых лихих».

В.А. Рогов рост преступности связывает с кризисом в сфере идеологии и правосознания: «появление “лихих людей”, дерзнувших противопоставить себя церкви, государству и религии, убийства и разбои, как факт презрения к жизни и имуществу своих соотечественников, говорят о том, что идеология периода борьбы за национальную независимость, складывавшаяся в XIII–XV вв., начинает постепенно размываться»¹⁶.

По ст. 39 Судебника 1497 года наместники получили право вынесения смертных приговоров «ведомым лихим». По объему полномочий наместники были с «боярским судом» и без «боярского суда». Судебник не уточняет, все ли наместники имели право расследования дел розыскным процессом и право вынесения смертного приговора. Судья по сообщению С. Герберштейна (посетившего Россию в 1517 и 1526 г.) об ограниченном круге лиц, имеющих право приговаривать к смертной казни и назначать пытку¹⁷, наместники без «боярского суда» таких полномочий не имели. С. Герберштейн пишет: «Большинство злодеев отвозятся в Москву или другие главные города»¹⁸. Значит волостели и наместники небольших уездных городов обязаны были доставлять «ведомых лихих» в Москву или к наместникам с «судом боярским». Далее Герберштейн описывает порядок возбуждения дел, рассматриваемых по правилам обвинительного процесса: «Всякий, кто пожелает обвинить другого в воровстве, грабеже или убийстве, отправляется в Москву и просит позвать такого-то на суд. Ему дается недельщик, который назначает срок обвиняемому и привозит его в Москву»¹⁹. Речь идет о делах, в которых ответчик не является «ведомым лихим». Здесь Герберштейну полностью доверять нельзя. Неизвестно, имели ли право наместники без «боярского суда» вершить дела по тяжким уголовным преступлениям обвинительным процессом. Если не имели, то они могли передавать их в крупные города наместникам с «боярским судом», как и дела «ведомых лихих». Вероятно, Герберштейн действительно видел иногородних жителей, обратившихся в Москве с исками по уголовным делам. Они могли подавать иски большому московскому наместнику, в юрисдикции которого, согласно Записи о душегубстве 1456–1462 гг.²⁰, находились города бывшего Галицкого и Серпуховского княжеств, или дворецкому, который наряду с казначеем осуществлял контроль над деятельностью наместников и волостелей и часто выступал в качестве судьи последней инстанции, а также судил разбои и татьбу с поличным, совершавшиеся на территории великокняжеского домена²¹.

Неспособность, а зачастую и нежелание наместников и волостелей эффективно выполнять возложенные на них обязанности по пресечению деятельности «лихих» вызвали недовольство городского дворянства и посадского населения. В 1539 г. правительство Шуйских, ориентировавшееся на дворян и детей боярских, приступает к проведению губной реформы. Суть реформы заключалась в изъятии из компетенции наместников разбойных дел и передаче их губным старостам, выбираемым населением всего уезда из числа детей боярских. В помощь губным старостам из посадских людей или крестьян избирались целовальники.

Большинство советских историков связывали рост преступности и появление «ведомых лихих» с классовой борьбой крестьянства, направленной против феодалов²², а уголовное законодательство рассматривали как средство приведения к покорности феодально-зависимого населения²³. Основным принципом уголовного права, по их мнению, являлся принцип устрашения, целью которого было «запугать народные массы, лишить их воли к сопротивлению возраставшей эксплуатации и закреплению»²⁴. Дореволюционные историки права на основании простого подсчета количества упоминавшихся в законодательных памятниках случаев применения телесных и членовредительных наказаний и смертной казни делали вывод о чрезмерной жестокости уголовных законов, особенно Уложения 1649 г., объясняя это влиянием византийского права и Литовского Статута²⁵. Разница заключалась лишь в том, что они не связывали «принцип устрашения» с задачей подавления классовой борьбы крестьян.

В.А. Рогов на основании сравнительного анализа уголовных наказаний, применявшихся в Западной Европе и России, отмечает более жестокий характер европейского уголовного права и меньшую приверженность к утонченно-зверским методам казней на Руси: «карательной политике Московских великих князей были присущи элементы здравого смысла, политического такта и большая доля терпимости»²⁶. Объясняет он это тем, что ордынское владычество заставляло московских государей считаться с нравственно-этическими традициями в уголовной политике гораздо больше европейских монархов, так как народ был главной силой в борьбе с Ордой²⁷.

Хотя народ в целом негативно относился к политике безудержных репрессий, истязания и пытки приговоренных к казни в народном сознании являлись констатацией греховности как самого казнимого, так и его мыслей. Безгрешные люди умирают легко, а грешники перед смертью сильно мучаются. Искусственная трудная смерть символизировала греховность казнимого перед церковью и государством²⁸. В.А. Рогов считает, что в конце XV в. условий для масштабного роста преступности еще не было²⁹, становление профессиональной преступности произошло за несколько десятилетий до опричнины³⁰, резкий рост преступности произошел во времена Ивана IV³¹. Он отмечает возрастание репрессий в отношении преступников-профессионалов в ходе проведения губной реформы: «в губных избах пыточная процедура и кнут стали обычным и повседневным явлением»³², а также в связи с привлечением к следствию низших слоев населения, «...некоторую (отчасти парадоксальную) демократизацию карательной функции государства»³³. Автор не отрица-

ет антигосударственной направленности деятельности «ведомых лихих»³⁴, но отмечает преувеличенную оценку роли классовых противоречий в литературе³⁵.

Объектами нападений разбойных групп были не только помещики и их имения, но и феодально-зависимое население. Разбойники не занимались выяснением социальной принадлежности своих жертв. Привлечение в ходе губной реформы посадского и волостного населения к судебной-следственной деятельности – серьезный аргумент против классового подхода в оценке действий «ведомых лихих». Такой шаг правительства был обусловлен тем, что посадский и волостной миры и до начала губной реформы выполняли полицейские функции. Реформа лишь законодательно закрепила существующее положение и наделила органы общинного самоуправления (в лице волостных и посадских старост, сотских и десятских) законным правом принуждения и применения средств дознания в рамках розыскного процесса.

С.А. Шумаков пишет, что еще до земско-губных реформ, до введения института наместников и управления при них, налогами и полицейскими делами в общинах заведовали выборные сотские и старосты³⁶. Он аргументирует эту гипотезу тем, что управление осуществлялось, даже если наместники не назначались подолгу. Обязанность проведения розыскных мероприятий в случае совершения убийства была возложена на общину еще наместничьими уставными грамотами, в частности, Уставной грамотой великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397–1398 гг.: «...где кого утепут, – ине душегубца изыщут; а не найдут душегубца, – ине дадут наместником десять рублей»³⁷. Уставные грамоты, в отличие от аналогичных постановлений Русской Правды, не ограничиваются наложением денежного взыскания, а требуют обязательной выдачи преступника в случае его обнаружения.

До губной реформы в компетенцию судебных органов входила лишь обязанность рассмотрения дела, вынесения и исполнения приговора. Расследованием преступлений и розыском преступников занимались органы местного самоуправления общин или присылаемые из Москвы «обыщики», о которых упоминают губные грамоты. Подтверждается это «Грамотой великого князя Василия Ивановича в Белозерская волости, Своару и Гнену, об обережении от татей и разбойников Ниловой Сорской пустыни». 1513 г.: «... били мне челом старцы Ниловы пустыни, чтобы мне велети их беречи от татей и от разбойников: и вы бы их берегли от лихих людей, от татей и от разбойников, накрепко, чтобы им не было обиды ни от какого человека»³⁸. Грамота адресована «старостам и десятским и всем хрестьяном Своары и Гнены». Таким

образом, губная реформа лишь узаконила сложившуюся практику и поставила полицейскую деятельность общинного самоуправления под контроль местных дворян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шумаков С.А.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 12; *Латкин В.Н.* Лекции по внешней истории русского права. Московское государство – Российская империя. СПб., 1890. С. 26.

² *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 27.

³ Судебник 1497 г. // ПРП. Вып. III: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. С. 348.

⁴ *Ключеский В.О.* Терминология русской истории // Ключеский В.О. Соч. В 9 т. М., 1989. Т. 6: Специальные курсы. С. 168.

⁵ *Черепнин Л.В.* Комментарий // Судебники XV–XVI вв. / Под ред. Б.Д. Грекова. М.: Л., 1952. С. 63.

⁶ Судебник 1497 г. С. 353.

⁷ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 351.

⁸ *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 190.

⁹ *Поляк А.Г.* Историко-правовой обзор // ПРП. Вып. III. С. 381.

¹⁰ *Малеин А.И.* Перевод ст. 3–7 и 9–16 Судебника 1497 года по Герберштейну // Судебники XV–XIV веков. С. 32.

¹¹ *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 32.

¹² *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 58.

¹³ Судебник 1497 г. С. 348.

¹⁴ *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 5.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 356.

¹⁶ *Рогов В.А.* Уголовные наказания и репрессии в России середины XV – середины XVII в. М., 1992. С. 35.

¹⁷ *Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. М., 1988. С. 118.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 119.

²⁰ ПРП. Вып. III. С. 167.

²¹ *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 25.

²² *Гутнова Е.В.* Классовая борьба крестьян в период развитого феодализма // История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. II: Средневековая Европа. М., 1992. С. 515; *Юшков С.В.* Указ. соч. С. 190.

²³ *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 170–188; *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 216, 228.

²⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 68.

²⁵ *Латкин В.Н.* Указ. соч. С. 107; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 663; *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Харьков, 1994. С. 26; *Шумаков С.А.* Указ соч. С. 83, 84.

²⁶ *Рогов В.А.* Уголовные наказания... С. 33.

²⁷ *Рогов В.А.* Уголовное право и внутренняя политика русского государства: анализ хроники С. Герберштейна «Записки о Московитских делах» // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сб. науч. тр. М., 1986. С. 10, 11.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Там же. С. 84.

³² Там же. С. 66.

³³ Там же. С. 20.

³⁴ Там же. С. 19, 84; *Он же.* Уголовные наказания... С. 10–12.

³⁵ *Рогов В.А.* Уголовные наказания... С. 35.

³⁶ *Шумаков С.А.* Указ. соч. С. 39, 40.

³⁷ ПРП. Вып. III. С. 162.

³⁸ ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 157. С. 127.

В.В. ТРЕПАВЛОВ

ВОСТОЧНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ В XV–XVII вв.

Ногайская Орда – один из «осколков» Золотой Орды. Кочевая держава ногаев окончательно оформилась в конце XV в. на территории современного Западного Казахстана. Центром ее были степи по берегам реки Яик (Урал), где располагался уцелевший с золотоордынских времен город Сарайчук (Сарайчик), резиденция ногайских правителей. Эти правители, в отличие от монархов почти всех прочих послеордынских государств, происходили не из рода Чингисхана, а от Эдиге (Едигея), беклербека (главного военачальника) Золотой Орды конца XIV – начала XV в. Поэтому они не имели формального права царствовать и титуловались не ханами, а биями (беками) – «князьями» в средневековом русском переводе. Ногайские бии и мирзы (аристократы) происходили из тюркского племени мангытов, и Ногайскую Орду, особенно на ранней стадии ее истории, называют также Мангытским юртом.

Территория Ногайской Орды и расселения ногаев определялась скотоводческим характером экономики и, следовательно, возможностям